
ТЕОРИЯ

ГЛОБАЛЬНОСТЬ КАК БАЗОВОЕ ПОНЯТИЕ ГЛОБАЛИСТИКИ

М. А. Чешков

Если в современном массовом сознании глобализация видится чуть ли не апокалипсисом (для чего есть немало оснований), то в научном сознании сложилось устойчивое представление об этом феномене как естественно-исторической закономерности, преломляемой в различных идеологиях и стратегиях. Чтобы понять этот сверхсложный феномен, надо вкратце характеризовать процесс становления глобалистики¹ и особенно ту познавательную ситуацию, которая сложилась в этой области социогуманитарного знания на рубеже XX–XXI вв.

Познавательная ситуация

Чем более выявлялась многомерная и противоречивая природа глобализации, ее проявлений и последствий, тем более в научном сознании ощущалась потребность выразить этот феномен в *едином, одном обобщающем понятии*, многосоставном и многоуровневом, способном характеризовать полярные стороны и варианты этого феномена. Без решения этой сверхзадачи невозможно дальнейшее формирование глобалистики и как особой области/направления научного сознания, и как эффективного инструмента воздействия на общественную практику. Возникает вопрос: готова ли глобалистика, и в первую очередь отечественная, в ее нынешнем состоянии к решению подобной ключевой для ее будущности проблемы?

Несомненно, что в последние два десятилетия в глобалистике (и отечественной, и зарубежной) сложились существенные предпосылки для решения этой сверхзадачи. К их числу относятся: расширение круга частно-научных дисциплин, изучающих так называемые мировые и глобальные проблемы (World and Global Studies); соединение знания философского и научного в этой проблематике; выработка специальных понятий (типа «глокальность» Р. Робертсона); видение предмета как единство глобальных проблем и процессов интеграции и фрагментации мирового сообщества (А. Чумаков) и, наконец, инвентаризация тем и проблем глобалистики².

---

¹ Подробнее об этом см. в работах отечественных авторов (Э. Арабоглы, А. Бестужев-Лада, В. Лейбин, И. Фролов, А. Чумаков и др.). (In more detail about it see in works of the domestic authors (E. Arabogla, A. Bestuzhev-Lada, V. Leybin, I. Frolov, A. Chumakov, et al.)).

² См.: Глобалистика. Энциклопедия / гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. – М.: Радуга, 2003. (See: Global Studies. Encyclopedia / ed. by I. I. Mazour, A. N. Chumakov. – Moscow: Raduga, 2003).

Выработав эти свои предпосылки, глобалистика, однако, не преодолела ряда внутренних проблем. Так, не определен метод, адекватный потребностям этого вида научного знания; остается открытым понимание предмета (от мирового сообщества до человечества в целом); преобладающее широкое видение предмета ориентирует глобалистику на статус «знания обо всем», «теории всего»; открытым остается и вопрос о характере этого научного знания (фундаментальное? прикладное?); междисциплинарность глобалистики выглядит скорее многодисциплинарностью и не переведена в плоскость теоретического обобщения.

Эти изъяны свидетельствуют о том, что за последние два-три десятилетия глобалистика росла скорее вширь, нежели вглубь (предмет; метод), а значит, и решение сверхзадачи (поиск обобщающего понятия) хотя и необходимо, и возможно, но далеко не гарантировано. Тем не менее, усилия в этом направлении могут стать продуктивными: надо «играть на повышение», чтобы определить контуры будущего отечественной глобалистики.

Опираясь на работы Клуба ученых «Глобальный мир» (2000–2003 гг.)³, мы предпринимаем такую попытку, формулируя понятие «глобальность» как единое обобщающее понятие, охватывающее разные уровни абстракции и открытое эмпирической реальности. Предлагаемое здесь понятие есть науковедческая конструкция, опирающаяся на методологию научного познания. Она организована как ряд последовательных «шагов», включающих определения: предмета (шаг I); основных параметров (шаг II); набора категорий (шаг III); состава и структуры глобалистики (шаг IV). В заключении вкратце рассмотрим положение глобалистики в современном совокупном знании и в истории мировых культурных систем.

Итак, шаг I: **предмет**.

Говоря о предмете, необходимо указать на его природу⁴ и вычленив его же из контекста. Вряд ли предмет адекватно определим в терминах эмпирических генерализаций (типа «мировое сообщество»). Скорее он предполагает философские понятия высокого уровня абстракции, но характеризующие наш предмет не прямо, а косвенно, опосредованно. Характеристика предмета требует построения логической цепочки такого рода: **человеческий универсум – миробытие – глобальность**.

Исходное понятие (человеческий универсум) остается за рамками нашей проблематики, как и выражающие его теоретические конструкции. Примем лишь его понимание как некоей интегральной общности, конституируемой взаимосоотнесенностью трех начал – социального, природного и субъектно-деятельностного – в их интегральном единстве⁵. Понятие «миробытие» характеризует одну из ряда пространственно-временных форм жизнедеятельности человека (индивидуальной, групповой, страновой, региональной). Глобальность же имеет своим предметом одно из **специфических** измерений миробытия, а именно: отношений, связей, взаимодействий между различными и разнородными компонентами миробытия. Итак, миробытие характеризует **контекст**, где предмет глобальности есть специ-

³ И в первую очередь Э. Азроянца, А. Вебера, А. Косолапова, Э. Кочетова, А. Чумакова и других участников Клуба ученых «Глобальный мир» (1999–2003). (And first of all E. Azroyants, A. Veber, A. Kosolapov, E. Kochetov, A. Chumakov and other participants of the Club of scientists 'Global world' (1999–2003)).

⁴ О «сущности» см. ниже (шаг II). (About the 'essence' see below (step 2).)

⁵ Подробнее см.: Чешков, М. А. Глобальный контекст постсоветской России. Очерки теории и методологии мироцелостности. – М., 1999. – С. 32–34. (For more details see: Cheshkov, M. A. Global context of Post-Soviet Russia. Essays of theory and methodology of the world integrity. – Moscow, 1999. – Pp. 32–34).

фический «текст». Эта логическая цепочка означает, что предмет понятия *глобальность* имеет антропологическую (интегральную) природу, заданную человеческим универсумом, но задаваемую не прямо, а косвенно, опосредованно «мировым бытием».

Такое видение природы предмета связывает его *органически* с человеческим универсумом, делая это понятие (предмет глобальности) *антропологическим (то есть интегральным)* в его природе, избегая его обычной и привычной социологизации. С другой стороны, предмет (понятие «глобальность») сохраняет свою специфичность и не растворяется ни в контексте (миробытие), ни в человеческом универсуме (как это часто практикуется в гуманитарных дискурсах). Подчеркнем, что данное определение природы предмета, ее, так сказать, очеловечивание, есть лишь первое приближение к проблеме предметности, понимание которой углубляется по мере развертывания нашей конструкции.

Итак, шаг II: **основные параметры.**

Отдельные параметры (измерения) рассматриваются далее в единстве познавательной логики (понятие «глобальность») и логики его реального референта (феномен глобализации), то есть в единстве этой пары (глобальность – глобализация). Речь идет о двух параметрах – гносеологическом и онтологическом. Оба эти параметра предстают в таком виде, как они свойственны высшей форме глобализации (рубеж XX–XXI вв.), что несет опасность, признаем, искажения исторической логики и глобализации, и глобальности. Эту опасность мы постараемся устранить (см. шаг III).

Мы начинаем с характеристики гносеологического параметра, ибо вся наша конструкция строится на примате познавательной логики. *Гносеологический* параметр характеризуется как совокупность *базовых антиномий* – соединения и разделения; универсализации и партикуляризации; конвергенции и дивергенции. Данные антиномические пары выражают противоположные по вектору процессы, разворачивающиеся между качественно различными компонентами миробытия (см. шаг I). Эти же антиномии открывают путь к познанию *онтологического* параметра – совокупности тех же пар «начал», формирующих видение предмета: то, что в прежнем представлении о предмете выглядело как описание реальности (глобализации), здесь определено как новое понимание той же предметной реальности, ибо здесь эти пары «начал» равноположены (как составные базовых антиномий), что позволяет характеризовать структуру глобализации и онтологическое измерение понятия «глобальность» как *принципиально аморфные*.

Структурная аморфность онтологического параметра определяет специфику отношений, конкретизирующих данный параметр. Сущность глобалистских отношений заключается, на наш взгляд, в том, что это есть отношения *различий* (экономических, политических, культурных), а не отношения *неравенства*. Это «качество» – неравенство – однако присуще глобальным отношениям, но оно вторично в том смысле, что задается капиталистическими сегментами миробытия и поэтому производно от таковых. Определяя подобным образом сущность глобалистских отношений (см. работы В. Иноземцева), мы в определенной мере «реабилитируем» глобализацию, снимая с нее необоснованные обвинения, вытекающие из

отождествления глобализации с капитализмом (см. критику этого тождества у П. Бэроша).

Антиномичность гносеологического параметра и аморфность онтологического измерения (здесь – структуры) задают облик третьего параметра – субъектности или субъекта, который, в свою очередь, воздействует на оба первых измерения. Уточним. Если субъектность есть параметр глобальности, то субъект есть носитель (персонификатор) данного параметра и его реального референта (глобализации). Обладая антропологической (интегральной) природой (см. шаг I), субъект глобальности/глобализации должен быть описан уже в терминах не антропологических, но социо/культурно/антропологических. Реальный референт субъекта предстает (учитывая характеристику двух предшествующих параметров) как совокупность разнородных и разноуровневых социопрофессиональных и социо-культурных групп и общностей или, короче, как разнородное *множество*, весьма далекое, как мы видим, от некоей единой/одной глобальной элиты (в духе идей Р. Миллса). Этот облик субъекта (носителя) задан двумя другими параметрами, но, в свою очередь, их не только воспроизводит, но и трансформирует или, точнее говоря, *творит* эти параметры глобальности/глобализации, задавая тем самым *амбивалентность* онтологического параметра (в отличие от его же структурной аморфности). Поэтому данный параметр имеет ключевое значение для понимания и глобальности, и глобализации.

Важным компонентом субъекта выступает индивид с его родовыми (общечеловеческими) свойствами, то есть в его не абстрактной всеобщности, но *конкретной всеобщности*. Такой индивид противостоит и массовизации, и индивидуализации, связанным соответственно с «началами» универсализации и партикуляризации в их различных вариантах. Признание индивида в его конкретной всеобщности в качестве компонента субъекта означает, что таковой становится *беспредельным* или *безмерным* в своем составе.

В итоге глобализация через своего субъекта, с одной стороны, делает *каждого индивида* ответственным за работу данного механизма, а с другой – через нивелирующую универсализацию и партикуляризацию лишает индивида такой ответственности. Индивид оказывается в ситуации *фундаментальной бифуркации*, где открыты пути к его очеловечиванию и расчеловечиванию. Таким образом, глобальность несет в себе, а глобализация реализует ситуацию *предельного выбора*, стоящего перед человеком и человеческим универсумом. Глобализация тем самым ставит пределы сама себе, давая шанс на преодоление этой предельности, шанс, однако, сопряженный с очень высокими рисками.

Активная (более того – творящая) роль субъекта выражается в его способности формировать так называемые *эмерджентные* виды глобализации, то есть виды, не подготовленные предшествующим историческим опытом. Примеры таких видов глобализации можно видеть в Китае после культурной революции, Сингапуре последних десятилетий XX в., ОАЭ рубежа XX–XXI вв. Активность субъекта проявляется и в его способности осуществлять отбор и выбор различных альтернатив и вариантов различных альтернатив⁶. Альтернативность глобализации не

---

⁶ Мы не говорим о комбинациях, ибо таковые выходят за пределы глобальности/глобализации, поскольку отражают отношения субъекта с его «средой». (We are not speaking about combinations as they go

сводится к выбору социально или культурно взаимоисключающих вариантов. По большому счету, альтернативность заключается в способности субъекта «работать» на очеловечивание или расчеловечивание индивида в его родовой (общечеловеческой) всеобщности («интегральности»). Вариантность видится в сознании и деятельности субъекта по реализации интересов и идентичности разных порядков – то ли универсальных, то ли партикуляристских, способностей осознать опасность ложных вариантов глобализации, «переводить» тупиковые варианты в продуктивные (опыт Китая), что, кстати, предполагает усвоение субъектом научного знания о глобализации.

Параметр «субъектность» кажется наиболее загадочным компонентом глобальности, ибо через него данная конструкция выглядит общностью, построенной по принципу *совмещения несовместимого*, этого идеального объекта современной – постнеклассической (по В. Степину) науки. Как особый параметр («субъектность») имеет ключевое значение в конструкте «глобальность», ибо в этом пункте познавательная логика выходит к логике исторической (альтернативы и варианты глобализации) и в связи с этим «выходом» возникает необходимость формализовать знание предшествующих «шагов».

Итак, шаг III: **категориальное знание**.

Строго говоря, знание этого рода намечено уже в пределах шага I, но здесь оно получает полноту и законченность, столь необходимые глобалистике. Набор категорий требует знания философского, общенаучного и конкретно-научного. Категории образуют вертикальную иерархию, отдельные уровни которой различаются по предмету, силе абстракции (убывающей) и силе конкретизации (возрастающей). Некоторые уровни разделены на ступени, где категории имеют разные предметы, но общий уровень абстракции/конкретизации. Категории образуют единую *вертикальную иерархию*, целостность которой обеспечена тем, что каждая категория воспроизводит (модифицируя) в себе категории предшествующего уровня:

– на уровне I находится исходная и, в принципе, «сквозная» категория *«общение»*, выражающая витальную потребность человека – индивида, совокупностей и целого (универсум);

– на уровне II размещены категории «начал», образующих базовые антиномии глобальности – соединения и разделения, универсализации и партикуляризации, конвергенции и дивергенции;

– на уровне III категории распределены по ступеням – архетип и генотип (ступень 1), типы и подтипы (ступень 2) и формы (ступень 3).

Категория *«архетип»* характеризует глобальность как *синкрет* базовых антиномий, а категория *«генотип»* выражает единство тех же базовых антиномий, но уже артикулированных⁷; *типы* различаются по способу соотнесенности двух пар базовых антиномий⁸ как первичные и вторичные. Соответственно различаются типы – *архаический, исторический* и – условно – *постисторический*. В первом

---

beyond globality/globalization because they reflect subject's relations with its 'environment').

⁷ Оставаясь в рамках аморфной структуры (см. шаг II). (Remaining within the amorphous structure (see step 2))

⁸ Оставляя в стороне пару «конвергенция – дивергенция» в силу ее производности от двух первых пар. (Putting aside a couple 'convergence-divergence' owing to its derivation from the first two couples).

из них антиномические «начала» не расчленены (синкрет) и поэтому не соподчинены; во втором – историческом – типе первична пара антиномий соединения и универсализации и вторична (производна от первой) пара разделения и партикуляризации; в третьем – постисторическом – типе обе пары артикулированы и производны (вторичны), но не по отношению друг к другу, а по отношению к глобальности как целому.

Типы глобальности соответствуют историческим реалиям глобализации трех эпох: от неолита до так называемого Осевого времени; от Осевого времени до конца XX в.; от рубежа XX–XXI вв. до, видимо, середины XXI в. Каждый из этих трех типов разделяется на подтипы: скажем, тип исторический включает реалии глобализации от Осевого времени до XVI в. (первый подтип) и от XVI в. до конца XX в. (второй подтип).

Постисторический тип глобальности знаменует особую историческую эпоху – глобализации «по преимуществу» (*par excellence*), открывающей, возможно, новый цикл в истории этого феномена, новый виток его спирали. Этот тип нередко принимают за «смерть глобализации» в силу присущей ему глубокой и острой противоречивости, но, на наш взгляд, скорее в силу осмысления этого феномена через призму или либеральной идеологии, или идеологии антиглобалистской.

Основанием для такого пессимистического представления служит исторический полиморфизм в его крайнем, предельном виде, свойственном современной глобализации. Категория «форм» (экономических, политических, социальных, культурных и пр.), конкретизирующая исторические типы и призванная выразить это много/разнообразие, здесь хотя полезна, но недостаточна. Заметим, что этот исторический полиморфизм порожден не столько множеством различий, сколько их равноположенностью, то есть *взаимной нередуцируемостью*, в чем и видится уникальность данного случая исторического полиморфизма.

«Формы» нередуцируемы постольку, поскольку каждая из них, ориентируясь на свое историческое время, воспроизводит себя по принципу *подобия* или *аналогии* своему историческому оригиналу. В плане структурном они воспроизводятся в гегелевско-марксистской терминологии как формы *превращенные*, то есть лишённые прежней исторической или стадийной заданности. Основная же причина подобной уникальности исторического полиморфизма глобализации видится в деятельности и сознании его субъекта. К этой причине надо добавить в качестве предпосылок такого полиморфизма структурную аморфность и амбивалентность (задаваемую субъектом) онтологических оснований глобальности.

Исторический полиморфизм глобализации, проявляющийся в рождении и умножении форм, подобных и/или превращенных, есть особенность не только глобализации, но и ее контекста – миробытия. Таковое имеет специфический – пульсирующий (условно) – хронотоп, в котором разные времена и пространства существуют в их взаимопроникновении и взаимообратимости⁹. Таким образом, исторический полиморфизм, присущий постисторическому типу глобальности и совре-

⁹ Подробнее см.: Чешков, М. А. Глобальный контекст постсоветской России. Очерки теории и методологии мироцелостности. – М.: МОНФ, 1999. – С. 47–50. (For more details see: Cheshkov, M. A. Global context of Post-Soviet Russia. Essays of theory and methodology of the world integrity. – Moscow: MONF, 1999. – Pp. 47–50).

менной глобализации, отражает и резонирует с особенностями миробытия и – косвенно – с нынешним состоянием человеческого универсума¹⁰.

Переход к постисторическому типу глобальности/глобализации влечет за собой изменения генотипа, сложившегося в XVI–XX вв. Он становится все более институционно артикулированным, хотя и сохраняет структурную аморфность и амбивалентность (в силу деятельности субъекта). Тем самым глобализация и теряет свою системную оргформу, и в то же время обновляет ее. Другими словами, современная глобализация оказывается на развилке – или обновление своей системности, или переход к иной, несистемной организации типа *мозаичности*. Как видим, глобализация подходит ныне к критическому моменту своей истории, моменту тем более очевидному, что он сопровождается хаотизацией (рост избыточного или дисфункционального много/разнообразия в виде так называемых подобиий, превращенных форм, ложных [по К. Ясперсу] ходов истории). В этой ситуации становится очевидна ограниченность методологии осмысления глобальности в силу явной релятивизации системного подхода. Выход глобалистской конструкции к контексту означает возвращение понятия «глобальность» к своему начальному пункту (шаг I), а значит, и завершение всей теоретико-конструкторской работы.

В такой ситуации кажется уместным characterize вкратце роль глобализации в эволюции миробытия. Глобализация играет роль механизма, посредством которого происходит смена макроисторических типов миробытия: от синкрета – к конгломерату; от конгломерата – к системе; и ныне, как можно предполагать с большой вероятностью, от системности – к общности мозаичности, то есть образовании разнородном по составу (ср. конгломерат), но взаимосвязанном (ср. системность). Хотя глобализация и особенно ее субъект играют важную роль в этих трансформациях, но все же вряд ли верно видеть в глобализации причину, генератор этих трансформаций, глубинные основания которых лежат даже не в самой глобализации и не в ее контексте, но в человеческом универсуме.

Шаг III в конструировании понятия «глобальность» оказался неожиданно полезным, углубив *историческое измерение* глобализации¹¹, которое в нашей схеме не выводится из нынешнего состояния данного феномена и не выглядит простой преемственностью его прежних форм. Анализ этого параметра (историчность) позволяет установить *границы полезности* нашего базового понятия.

Ограниченность (релятивизация) системного подхода, выход к эмпирике, возврат к исходному пункту конструкции «глобальность» – все это свидетельствует о том, что рождается необходимость и возможность для характеристики глобалистики как особого «случая» научного знания. Более того, понятие «глобальность»,

---

¹⁰ В этом пункте характеристика понятия «глобальность» как бы сигнализирует о необходимости теоретического освоения такого объекта, как человечество. (In this point definition of the concept 'globality' points out to the necessity of theoretical development of such a subject as mankind).

¹¹ В отечественной, да и, пожалуй, мировой глобалистике истории глобализации уделяется сравнительно мало внимания, что в некоторой степени компенсируется поворотом к глобальной истории, в том числе в отечественных исследованиях. Правда, при этом понятие «глобальность» вновь становится жертвой семантической лихорадки, приобретая тотальную масштабность и значимость. (In domestic and, perhaps, world globalistics little attention is paid to history of globalization that is somewhat compensated by the turn to global history, including domestic research. However, at the same time the concept 'globality' falls a victim of semantic fever again, gaining total scale and the importance).

формулируемое в шагах I–III, предстает как **ядро** глобалистики.

Шаг IV: глобалистика как научное знание.

В качестве ядра глобалистики наше базовое понятие призвано выполнять три функции: *методологическую, интегрирующую и организующую*. Первая функция заключается в том, что в ядре вырабатываются установки и нормы, приемлемые для частных дисциплин в качестве их общей методологии; реализация второй функции означает, что эти нормы/установки осваиваются, точнее, интериоризируются частными дисциплинами; третья функция сводится к реорганизации глобалистики в целом из многодисциплинарного конгломерата в комплексное меж/наддисциплинарное научное знание.

Выполнение этих функций есть процесс двусторонний, то есть он разворачивается по мере того, как ядро выполняет свои функции и как отдельные дисциплины взаимодействуют с ядром и друг с другом. В настоящее время понятие «глобальность», предлагаемое в качестве ядра глобалистики, может быть носителем методологического знания, но в гораздо меньшей мере оно способно интегрировать и реорганизовать научное знание по глобальной проблематике. Нынешняя познавательная ситуация в этой области знания такова (см. выше), что формирование глобалистики (отечественной в первую очередь) идет скорее по пути расширения круга частно-научных дисциплин, изучающих глобальную проблематику, нежели по пути разработки своего теоретико-методологического инструментария (проблемы метода, предмета, категорий, статуса). Иными словами, отечественной глобалистике предстоит развиваться скорее *экстенсивно*, нежели *интенсивно*.

Если это положение сохранится в обозримом будущем, то отечественная глобалистика будет складываться в порядке преимущественно *адаптации к реальности*, в порядке реакции на те или иные запросы реальности. В этой перспективе глобалистика окажется в таком состоянии, где *общая проблематика* будет осваиваться *разными дисциплинами*. Иначе говоря, глобалистика рисуется как совокупность разных дисциплин, имеющих лишь общий «лейбл» или, по-другому, глобалистика сформируется как *множество разных наук*. В другой перспективе глобалистика складывается как – условно – *семья наук*, где общий предмет имеет разные дисциплинарные версии; в этой же перспективе подобное состояние обозначается термином «меганаука», которая, однако, требует дополнительного прояснения в плане соотношения общего, корневого понятия и его версий.

В заключение изложим вкратце то, что намечалось сделать на заключительных «шагах» конструирования понятия «глобальность». Закрепление адаптивной (условно) траектории и наличие разных вариантов таковой определяются некоторыми фундаментальными особенностями, свойственными глобалистике вообще. В них отражены отношения глобалистики с другими секторами научного знания, совокупным знанием и типами мировой культуры.

Сравнение рождения глобалистики с опытом европейской науки Нового времени показывает, что если классическая наука складывалась по принципу *от дифференциации к интеграции* научного знания, то современная глобалистика складывается в обратном порядке – *от интеграции к дифференциации* научного знания.

Если европейская классическая наука формировалась в контексте совокупного знания с дифференцированными и автономными формами сознания/знания, то глобалистика становится в таком совокупном знании, где ни одна из его форм не обладает самодостаточностью и консолидируется постольку, поскольку вырабатывает способности к диалогу и кооперации с наибольшим числом различных компонентов совокупного знания – от философии и теологии, от образного до обыденного сознания¹².

Наконец, современное совокупное знание переживает ныне глубокий когнитивно-культурный сдвиг – от рационального сознания к сознанию *условно-пострациональному*. Этот сдвиг симметричен и обратен по вектору сдвига от сознания мифологического к рационалистическому и научному. Однако пострациональное сознание и соответствующий ему тип культуры лишь подобны тому, что называется мифоритуальной культурой, отличаясь от таковой дифференцированностью и одновременно связанностью его компонент (ср. мозаичную общность миробытия).

Если первая из этих особенностей рождения глобалистики припятствует ее самоопределению по отношению к другим видам научного знания, а вторая релятивизирует бытие глобалистики (и науки вообще) в совокупном знании, то третья делает глобалистику компонентом современного подобию мифоритуального сознания. Во всяком случае, понять, «что есть глобалистика», возможно, лишь разместив этот предмет в трех зеркалах: науки, совокупного знания и истории культуры. Такой триптих не уводит, надеемся, понятие «глобальность» и феномен глобалистики в Зазеркалье, но позволяет увидеть и глубину базового понятия (глобальность), и многозначное разнообразие реальности осмысливаемого феномена (глобализация). Подчеркнем значимость науковедческого подхода к глобализации: ведь в силу воздействия научного знания на общественное сознание и практику глобализация будет таковой, какой ее рисует глобалистика¹³.

---

¹² Подробнее см.: Чешков, М. А. Глобальное видение и новая наука. – М.: ИМЭМО РАН, 1998. (For more details see: Cheshkov, M. A. Global vision and new science. – Moscow: Institute of the World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, 1998).

¹³ Это предположение пусть и преувеличенное, но все же небезосновательное. (This assumption is though exaggerated, but nevertheless it is not unreasonable).